

КНИГИ

Антиобывательская волна

Алексей Гусев

Клеман К., Мирясова О., Демидов А. От обывателей к активистам. Зарождающиеся социальные движения в современной России. М.: Три квадрата, 2010.

Участники авторского коллектива, написавшего рассматриваемую работу, – социологи, активисты и сотрудники Института коллективного действия. По словам авторов, их целью являлось создание «научно–публицистической» монографии, которая успешно сочетала бы в себе «серьезный социологический анализ» (релевантный как для дальнейшей теоретической разработки со стороны ученых, так и для применения его выводов социальными активистами на практике) и «доступный и живой язык», который был бы способен привлечь «профессиональных активистов», начинающих активистов, скептиков и любопытствующих обывателей» (с. 28).

Действительно, читая книгу, не перестаешь удивляться художественности повествования и одновременно реализму, которому хочется поверить. Причем такой эффект достигается не только вопреки, а во многом благодаря большому количеству эмпириче–

ского материала (хотя, увы, и ряда лишних повторов).

Эмпирический материал, собранный в книге, охватывает период 2004 г. – начала 2010 г. Его основу составляет информация «из первых рук», в первую очередь – данные полевых исследований, проведенных авторами во время тесного общения с участниками российских социальных движений. В книге рассматриваются движение льготников (2004–2005 гг.), жилищное и рабочее движения. В деталях разбираются четыре сюжета: движение за жилищное самоуправление в Астрахани, активность профсоюза завода «Форд» во Всеволожске, деятельность профсоюза «Единство» на АвтоВАЗе и социально–протестное движение Ижевска. Ряд движений однако в книге не рассматривается. Например, практически ничего нет об экологическом и студенческом движениях, а также о движении против строительства «олимпийских» объектов в Сочи. Интересно в данном контексте, что авторы призывают освободить от ценностных моментов само понятие «движения». Можно говорить об «авторитарных, фашистских движениях», уверяют они (с. 76). Так как последние (равно как и антифашистское движение) в

книге не анализируются, любопытно было бы узнать, распространяются ли основные теоретические выводы и прогнозы исследования также и на них.

Основные вопросы, на которые авторы стремятся дать ответы, звучат так: «Откуда берутся общественно-активные граждане? Что их заставляет встать на тернистый путь активизма? Что их удерживает на нем? Как происходит обращение «обывателей» в «активистов»? (с. 31). Свой анализ авторы основывают на социокультурном подходе к общественным движениям. В частности, они исходят из теории «фреймов» и понятия «фрейм-трансформации». Под «фреймом» понимается «совокупность привычных практик, латентных смыслов и взаимодействий в определенной ситуации, которые воспринимаются как должные участниками взаимодействия» (с. 32). К «обывателям относятся тех, кто «действует и мыслит конформистски, то есть приспосабливается к вымышленному или реально существующему порядку вещей» (с. 41). Им и противопоставляются активисты. Процесс смены доминирующего фрейма (обывателя на активистский) называется «фрейм-трансформацией». Содержание этого процесса авторы и стремятся определить как на уровне отдельных граждан, так и на уровне всей культуры в целом.

В книге подчеркивается, что понятие «обывателя» должно быть ценностно-нейтральным (вопреки презрительному оттенку, который придается ему – возможно и в разных целях – чиновниками, либеральными журналистами и некоторыми социологами). Верное понимание поведения «обывателя» должно учитывать, что «люди-обыватели действуют рационально (по крайней мере, если их цель

– самосохранение и безопасность, собственная или своей микрогруппы) и в соответствии с реальными существующей властной системой. В любом случае, тут нет ничего «архаичного» или «примитивного» (с. 51). В то же время в других местах указывается, что не следует понимать этот выбор в духе теории коллективного действия (с. 309, 341), и совершенно справедливо отмечается, что такой подход игнорировал бы целый ряд факторов, таких как, например, укорененные представления о «патриархальном государстве» или стабильности существующих отношений власти и подчинения, которые ограничивают «рациональность» выбора¹. Тем не менее, размышляя, почему человек приходит к необходимости участвовать в коллективных действиях, авторы называют в качестве ключевого условия его столкновение с такими объективными проблемами (с. 55), которые делают выбор индивидуальной стратегии их решения (в том числе «неформального», посредством выстраивания личных связей с носителями власти) или же попытки индивидуально избежать их решения неэффективными².

К примеру, нарушение трудовых прав, рост коррупции, беззакония, безответственности власти, социальной нестабильности не только резко ограничивают возможности человека, но и создают «бреши и противоречия «обывательской культуры» (с. 301), связанные с невозможностью действовать, руководствуясь доминирующим фреймом в новых условиях. От успешности «заполнения» этих «брешей» «активистским фреймом» зависит успешность «фрейм-трансформации», а значит, и возникновение, расширение и укрепление социального движения. Од-

нако, из предложенного объяснения остается неясным, каковы те причины, по которым обыватель, полностью находящийся еще в русле своей обывательской культуры, оказывается способным к тому, чтобы сделать выбор в пользу если не постоянного участия в социальном движении, то хотя бы участия в коллективном действии. Это, видимо, признают и сами авторы, говоря, что «...[теория фреймов] скорее помогает анализировать второй этап фрейм-трансформации, когда изучаются условия, позволяющие закрепить изменения первоначального обывательского фрейма» (с. 341). Все же в качестве некоторого объяснения указывается, что «первые шаги» к участию в коллективных действиях (протесте) во многом делаются именно под влиянием эмоционального восприятия новых условий человеком (с. 303).

Если на первом этапе «фрейм-трансформации» происходит переход к фрейму «ситуативного активиста», то на втором этапе – к фрейму «завязтого активиста». Огромную роль, как отмечают авторы, в этом процессе играет институционализация протестной активности, в частности путем создания координирующей деятельности движения организации и создания внутренних правил участия (с. 445). Вторым важным фактором является «уполномочивающая деятельность лидеров» (empowerment), направленная на распространение и закрепление активистского фрейма среди участников социального движения. Поэтому в книге вопросы лидерства и лидеров рассматриваются достаточно подробно.

Говоря, что необходимое условие развития коллективного действия и социального движения – это доверие между участниками (с.

303–304), в качестве главной предпосылки его возникновения авторы называют «наличие элемента недоверия в отношении представителей власти» (с. 304). Однако «доверие» трактуется слишком формально и бессодержательно, как «некая гарантия (но не окончательная уверенность) того, что люди и институты будут действовать предсказуемым образом» (с. 303). Как представляется, это определение упускает одно важное обстоятельство: речь должна идти не просто об «определенном образе» их действия, но о важности их действия в интересах потенциального активиста. Поэтому конкретного описания механизма того, каким образом возникает доверие к активистам и уверенность не только в том, что оно отвечает интересам потенциального участника, но и в том, что реализация его интересов зависит от успеха движения, в книге не приводится.

При оценке того, насколько предлагаемый авторами подход может быть успешно применен для осмысления российских социальных движений, бросается в глаза временная ограниченность опыта, который анализируется в книге. Так, если несколько страниц еще посвящены особенностям перестроечных движений и их отличиям от «новых» движений, развившихся после 2005 года, то совсем необъяснимо отсутствие какого бы то ни было анализа движений 1990-х. Вместе с тем объяснение «упадка» социальных движений, или, по крайней мере, спада социальной активности, произошедшего на рубеже тысячелетий, должно было бы быть серьезным испытанием для гипотез, сформулированных в рамках используемого подхода. При более пристальном взгляде

де, можно увидеть, что объяснения этого упадка, предлагаемые в книге, неубедительны.

Так, «стабилизация», декларируемая властями борьба с олигархами и коррупцией, усиление социальной политики, государственный контроль над корпорациями, теракты и вторая чеченская война и связанная с ними мощная волна мобилизационной пропаганды – все эти факторы набирали обороты или хотя бы имели место в новых формах и после 2005 года, который рассматривается в книге в качестве некоего судьбоносного рубежа, после которого набежала «антиобывательская волна» (с. 97–99). Также двоякий характер имеет и влияние фактора консолидации государственной власти, укрепления ее «вертикали» и «монополизации административных ресурсов» (с. 97–98). С одной стороны, очевидно, что принятие мер по созданию структуры власти почти полностью закрытой для влияния со стороны общества, дальнейшая трансформация партийной системы, лишаящая ее первоначального смысла, а также проведение репрессивной политики по отношению к любым формам социального (а не только политического) протеста резко сузили «структуру политических возможностей» для социальных движений. С другой стороны, консолидация власти означает в глазах общества и сосредоточение ответственности (вопреки всем попыткам центральной власти избежать этого посредством воспроизводства стереотипа о «плохих боярах» на местах) за результаты проводимой политики. Можно допустить, что это становится все более важным фактором в определении участниками движений своих

противников и последующей политизации движения.³

Если попытаться предположить, что теоретически (исходя из рассматриваемого подхода) могло бы привести к спаду протестной активности и упадку социальных движений в начале 2000–х, то мы придем к идее, что таким фактором могло оказаться то, что проблемы (вызывающие «бреши» в культуре) были гораздо более сильными именно в период после 2004–2005 гг., или же осуществление «фрейм-трансформации» активистами было гораздо более успешным, чем десятилетием раньше. Однако для отдельных движений очевидно, что проблемы, с которыми сталкивались их потенциальные участники, были гораздо более сильными в предшествовавший период. К примеру, пространства для выбора индивидуальной стратегии решения своей проблемы (низкой зарплаты, тяжелых условий труда, издевательств со стороны администрации) для рабочего, очевидно, гораздо больше в условиях благоприятной экономической конъюнктуры. И, тем не менее, всплеск организованной активности альтернативных профсоюзов наблюдался именно после 2005 года. Таким образом, можно сделать вывод о том, что в известной степени динамика ряда движений (например, рабочего) имеет свои закономерности, которые отличают их от ряда других движений. С другой стороны, возможно, объяснение как раз таки кроется в области более успешного осуществления «экспорта» активистского фрейма с помощью empowerment – например, с помощью распространения внутренней демократии и большей зависимости лидера от рядовых участников

движения (что налицо в новых альтернативных профсоюзах).

Коснемся еще двух важных проблем, которые поднимаются в книге.

Во-первых, в исследовании делается несколько прогнозов относительно будущего развития движений. Говоря об интеграции социальных движений, авторы делают вывод о том, что тенденция их объединения в региональные и общероссийские сети диктуется неэффективностью борьбы на локальном уровне из-за необходимости решать проблемы, относящиеся к компетенции федеральной власти (с. 638). Не слишком много внимания, однако, уделяется вопросу о том, существуют ли вообще (и если существуют, то каковы они) объективные пределы для объединения разнородных социальных движений. Хотя в книге приводится целый ряд примеров, когда отдельные движения проводят чрезмерно осторожную линию по вопросу объединения, опасаясь, что их частные требования могут «утонуть» в более широкой повестке (с. 178–179, 464). Иногда их руководство склонно и к прямо эгоистической политике и предательству своих товарищей по борьбе (с. 123, 172).

Во-вторых, рассматривается вопрос о перспективах политизации социальных движений. Отмечается, что этот процесс имеет тенденцию не к наращиванию зависимости от политических организаций и движений (отношение к которым

со стороны движений носит чисто инструментальный характер, с. 667), а происходит в качестве эндогенного процесса в самих движениях. Эта тенденция – «следствие осознания ограниченности исключительно правозащитной стратегии и безответственности власти», а также того, что социальные движения «должны стать альтернативной формой власти на основе «низового» народного самоуправления» и выдвинуть «альтернативную программу развития на локальном уровне (и далее, на уровне страны)» (с. 668–669). Однако как может происходить этот процесс политизации столь разрозненных по своим интересам и устремлениям социальных движений, насколько он может стать процессом создания единого движения, с единой и эффективной для реализации политической повесткой – вопрос открытый.

Несмотря на неясность многих теоретических вопросов относительно динамики российских движений, «От обывателей к активистам» в целом решает поставленные перед собой задачи как в качестве одной из немногих попыток теоретического осмысления российских социальных движений, так и в качестве книги, способной привлечь к себе большое внимание общественных активистов и «обывателей».

Примечания

1. Об ограниченности исключительно данного подхода – в исследовании Chris Pickvance (2001), "Inaction, individual action and collective action as responses to housing dissatisfaction: a comparative study of Budapest and Moscow", in Dr Patrick G. Coy (ed.) Political Opportunities

Social Movements, and Democratization (Research in Social Movements, Conflicts and Change, Volume 23), Emerald, Group Publishing Limited, p. 181.

2. Причем характер самих проблем может существенно влиять на возможность найти «черный ход» при их решении: например, загрязнение водоемов, повсеместная невыплата заработной платы оставляют при прочих равных гораздо меньше пространства для подобного рода решений по сравнению, скажем, с проблемой улучшения жилищных условий и т. п., Idem, p. 180.

3. На этот фактор обращается внимание в статье Javeline D., “The Role of Blame in Collective Action: Evidence from Russia”, *The American Political Science Review*, Vol. 97, No. 1 (Feb., 2003), pp. 107–121, pp. 119, 120. Автор отмечает, что важным фактором, объясняющим участие в коллективных действиях, является степень конкретизации, с которой люди могут соотнести те или иные негативные изменения в их жизни с конкретным лицом и или группой лиц. Иначе говоря, речь идет о степени уверенности, с которой потенциальные участники протеста возлагают ответственность за свои беды. Интересный вывод состоит в том, что ситуация находящаяся в открытом противостоянии элит и пересекающихся сфер компетенции властей может создавать препятствия для возложения ответственности, в то время как более авторитарная система, сопровождающаяся централизацией власти и укреплением «вертикали», может приводить к упрощению этого процесса, а значит, к большей уверенности протестующих в своей повестке.